

Москва

Этим летом ушел из жизни Аркадий Семенович Бродский, администратор Центрального Дома литераторов.

БЫВШИЙ артист военного ансамбля, он обладал редким голосом — дискантом. И росточком, прямо скажем, не вышел — был из тех, о ком в народе говорят: «Метр пять в пилотке». Но вопреки этим объективным внешним данным отличался главным мужским качеством — личной отвагой. Ибо в основные его обязанности входило поддержание порядка в ЦДЛ. Он не пускал в клуб нечленов Сою-

ло предела. Ничего не понимая, он пророкотал:

— Это ты мне?

— Именно вам!

Услышав и увидев все это, проснувшийся спящий заплакал и, потирая глаза кулаками, побрел к выходу. Вероятно, он решил, что наступил страшный похмельный кошмар и пора завязывать...

У ВХОДА с улицы Герцена ждали А. И. Микояна. Хотя он был уже не у дел, его встреча с писателями вызвала большой интерес и волнение. На ступень

«Вышибала»

Москва, конец ноября — 1993 — 4049

за писателей, удалял из залов пьяниц и дебоширов, был гонителем девиц определенных нравов. Говоря по старинке, исполнял Аркадий Семенович роль «вышибалы».

Поначалу мы с ним повздорили. Новый администратор попенял мне, молодому тогда поэту: «Я в два раза старше вас!». На что я, как казалось мне, остроумно ответил: «А я вас в два раза выше!».

В ЦДЛ существует множество изустных легенд, и они живут, передаваясь из поколения в поколение... Вот несколько историй из боевой биографии А. С. Бродского.

НАКАНУНЕ редакция одного журнала принимала писателей из Донецка, один из которых наутро пришел в буфет ЦДЛ, поправил здоровье и... заснул, уронив голову на столик. Надо сказать, что это был гигант, больше чем знаменитый актер Борис Андреев, создавший незабвенный образ донецкого шахтера...

В арке, отделяющей буфетную стойку от зала, появился директор Дома и сразу заметил беспорядок. Он постоял, удалился, снова возник вместе со своим лысым голым замом. Они обменялись несколькими словами и ушли, но вскоре вернулись, имея при себе отважного Аркадия Семеновича. Все трое устали на спящего колосса, который даже сидя производил большое впечатление.

Директор и его зам стали подталкивать своего подчиненного. Тот, решительно вскнинув подбородок, ринулся через зал и нельзя сказать, чтобы встал над уснувшим посетителем — скорее около него. Звенящим голосом Бродский прокричал в ухо великану:

— Прощу вас встать и покинуть наш дом!

Голиаф поднялся, тряс головой, и стал, оглядываясь, искать нарушителя своего безмятежного сна, но искать на своем, двухметровом уровне, а там никого не было. Но откуда-то снизу, от его локтя, снова раздалось: «Покиньте наш дом!».

Писатель посмотрел вниз и увидел Аркадия Семеновича. Удивлению его не бы-

ках перед фойе стояло литначальство. Возле контролерш — маленький администратор. Атмосфера была напряженная. Охрана Микояна на улице замешкалась, и в дверях он оказался один — невысокий человек кавказской национальности в сером пальто и, как запечатлено летописцем, простенькой кепке. Аркадий Семенович преградил пришельцу дорогу: — Вам куда?

— Мне сюда.

— А по-моему, вам туда! (администратор ткнул пальцем за спину входящего, в дверной проем).

— Но я — Микоян.

— Может быть, вас зовут Анастас Иванович?

— Да.

— А меня — Аркадий Семенович! Но я не делаю из этого...

Выросший из-за спины Микояна громила схватил неожиданное препятствие под мышки и кинул в сторону. В полете Аркадий Семенович тончайше пропел:

— А я не знал!.. А я не узнал!..

НЫНЕ общеизвестный, а тогда еще не принятый в Союз, прозаик и поэт — назовем его А. — появился в ЦДЛ с дамкой, уже будучи навеселе. Аркадий Семенович его недолюбливал и, поскольку имел на это формальное право (нет членского билета), решил в Дом не пускать.

Разгоряченный вином и присутствием дамы писатель А. толкнул администратора в грудь. Аркадий Семенович отступил, а потом неожиданно с разбегу подпрыгнул и, боднув обидчика, разбил ему губу.

Писатель А. провел рукой по ушибленному месту и, вспомнив свою криминальную молодость, в стиле начала толковища грозно сказал:

— Ты, падла, мне кровянку пустил...

Но, посмотрев в глаза соперника и осознав, где находится, отвел взгляд и, ни к кому не обращаясь, пожаловался:

— Писателей бьют...

Метр пять в пилотке? Нет, к Аркадию Семеновичу Бродскому больше подходила другая характеристика: мал, да удал!

Олег АМИТРИЕВ.